

УДК 16.21.29 81'23 003

ВОСПРИЯТИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ ГЕОПРОСТРАНСТВА (на материале Пермского края)

Светлана Сергеевна Шляхова

д. филол. н., зав. кафедрой иностранных языков и связей с общественностью
Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, г. Пермь, Комсомольский пр-т, 29. shlyahova@mail.ru

В статье представлены результаты экспериментального исследования культурного геопространства территории. Исследование проводилось с позиции «пространство в культуре». На примере Пермского края изучались система представлений о геопространстве повседневного окружения человека в большом городе, совокупность образов территории. Выявлена низкая степень информационной освоенности геопространства культуры Пермского края. Установлено, что образы территории Пермского края различаются у жителей Прикамья (территория древней культуры, каторжный край) и жителей других территорий (территория величественной природы, глухая провинция, «республика зеков», Terra Incognita). Образ Пермского края носит размытый характер и не имеет четко выраженных локальных ментефактов.

Ключевые слова: социоллингвистика; психоллингвистика; семиотика; культурное геопространство; символы; образ территории; Пермский край.

1. Введение

Термин «геопространство» пришел из географии. Традиционно культура рассматривается географами с двух противоположных позиций: 1) «культура в пространстве», или геокультурное пространство, дифференцированное в соответствии с этнокультурным разнообразием и специфической территориальной организацией (самоорганизацией) культурных комплексов, артефактов и ментефактов; 2) «пространство в культуре» – система представлений о геопространстве, совокупность образов местностей и территорий [Стрелецкий 2008].

Геопространство культуры активно исследуется в географической науке в разных аспектах: культурный ландшафт и география искусства [Веденин 1997, 2003], этнокультурный ландшафт [Калуцков 2008], этнокультурный территориальный комплекс [Герасименко 2013: электр. ресурс], мифогеография и территориальная культурная система [Митин: электр. ресурс], лингвогеоиконика [Соколова, 2005], гуманитарная география [Гладкий 2010; Голубчиков 2015; Замятин 2003; Ковалёв 1995] и др. В структуру геопространства включаются и антропоцентрические составляющие: повседневное окружение человека (Т. Хегерstrand и последователи Лундской школы); местное сообщество как совокупность нескольких деревень,

вовлеченных в сферу локального рынка (Г. Скиннер); большой город (К. Линч и его последователи) [Соколова 2013].

Лингвисты определяют культурное пространство как «собственно “ментальную” сферу культуры, которая предстает как культура, опосредованная сознанием ее представителей. Иначе говоря, по своей сути культурное пространство есть результат отражения (в психологическом смысле данного термина) культуры в сознании ее представителей. <...> культурное пространство предстает как феномен ментальный, а лингвокультура – как феномен лингво-когнитивный» [Красных 2008: 334].

На стыке лингвистики и географии вводится понятие «геоконцепт», под которым понимается любое значимое для определенного сообщества место, обладающее устойчивым образом. В структурном плане любой геоконцепт состоит из трех слоев – информационно-образного, ономастического (назывного) и территориальной основы. В качестве собирательного понятия он «стягивает» и удерживает как целое образ места, топоним и определенную территорию, место [Калуцков 2012: электр. ресурс].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в последнее время остро стоит проблема культурной идентичности, которая связана с вопросами глобализации культуры,

культурной самобытности, межнациональных отношений. «Культурная диффузия, т. е. стихийное и никем не контролируемое заимствование культурных ценностей, имеет как позитивные, так и негативные аспекты. С одной стороны, она позволяет народам больше общаться между собой и узнавать друг о друге. Общение и познание способствует сближению народов. С другой стороны, чрезмерно активное общение и заимствование опасно потерей культурной самобытности» [Кравченко 2002: электр. ресурс].

Проблема культурной идентичности геопространства, информационная освоенность геоконцепта тесно связана с прагматическими аспектами. Геобрендинг – позиционирование территории как для внутренней (жители территории), так и для внешней (жители других территорий) аудитории – необходимо для того, чтобы успешно конкурировать за увеличение занятости, инвестиций, прироста населения и туристов.

Цель исследования – проверить ассоциативную емкость культурного геопространства «Пермь, Пермский край» для молодых жителей Пермского края и жителей других территорий, т. е. проанализировать характер образов, связываемых с территорией, их ценность и информированность жителей Прикамья и других территорий о ментефактах локальной территории.

В систему ментефактов входят четыре класса феноменов, являющихся таксонами лингвокультуры: 1) знания – культурнонезависимые и культурномаркированные; 2) понятия; 3) концепты; 4) представления – прецедентные феномены: ситуация, текст, имя, высказывание; духи (результат эмоционально-образного восприятия персонажей низшей мифологии); артефакты вторичного мира (результат эмоционально-образного восприятия «волшебного» предмета); стереотипы – поведения и представления (ситуации и образы) [Красных 2008: 336].

Таким образом, исследование проводится с позиции «пространство в культуре» и направлено на выявление системы представлений о геопространстве повседневного окружения человека в большом городе, совокупности образов территории.

2. Методика исследования

Исследование проводилось в два этапа.

Этап 1. Цель первого эксперимента (эксперимент 1) – установить, являются ли памятники и арт-объекты Перми носителями культурно-исторической информации, которая осознается пермяками (школьниками старших классов). В анкетировании приняли участие 47 респондентов

ученики 10–11 классов МАОУ СОШ № 22. Средний возраст респондентов – 17 лет.

Респондентам было показано по очереди 25 слайдов с изображением пермских памятников и арт-объектов и предложено опознать объекты и написать названия, кому или чему они посвящены.

Стимульный материал включал 25 памятников и арт-объектов Перми, объединенных в группы:

- 1) памятники, связанные с историей и мифологией Перми;
- 2) памятники, связанные с историей и культурой Перми и России;
- 3) исторические деятели советской России;
- 4) исторические деятели Прикамья;
- 5) деятели литературы и персонажи книг;
- 6) современные арт-объекты.

Общий объем полученного материала составил 47 анкет, в которых зафиксировано 1 024 положительных реакции.

Этап 2. На втором этапе (эксперимент 2) был проведен онлайн-опрос с использованием сайта Survio, предназначенного для создания анкет и проведения массового анкетирования [Survio: электр. ресурс]¹. В анкетировании приняли участие 108 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет (средний возраст 24 года) с разным уровнем образования и дохода:

- 61 чел. – жители Пермского края (60 % женщин, 40 % мужчин);
- 47 чел. – жители других городов РФ: Тюмени, Екатеринбурга, Калининграда, Санкт-Петербурга и др. (73 % женщин, 27 % мужчин).

Базовым стимульным материалом выступали понятия, связанные с древностью (*Биармия, Пермский геологический период, Легенды о чуди, Пермские бога, Пермский звериный стиль*). Литературное пространство представляла категория *Юрятин*, политическое – *Пермь-36*.

Всем респондентам было предложено ответить на два вопроса: «С чем у Вас ассоциируется Пермь и Пермский край? Выберите только те понятия, которые ассоциируются у Вас с Пермским краем (разрешалось выбрать несколько позиций)». Жителям Пермского края был предложен дополнительный вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что Пермский край связывают с этими понятиями?»

Прежде чем перейти к обсуждению результатов исследования, остановимся на кратком обзоре культурных составляющих в пространстве Пермского края, которые выступили в качестве стимульного материала.

3. Культурные коды Перми: памятники и символы

3.1. Памятники и арт-объекты Перми

Материалом исследования в эксперименте 1 стали 119 памятников и арт-объектов Перми и их названия.

История досоветских российских памятников насчитывает лишь полтора века. Поэтому их было не так много – к концу 1910 года во всей России стояло около 750 монументов. В последующие шесть лет их количество увеличилось на несколько тысяч. Однако даже крупные губернские города (Вологда, Тамбов, Пермь, Красноярск) вообще не имели памятников [Сокол 2006: электр. ресурс].

В Перми имеется только один памятник федерального значения (*Памятник Ленину*), обладающий художественной ценностью (рис. 1)². Остальные памятники, преимущественно советского периода, имеют региональное значение.

Рис. 1. Памятник Ленину. 1954.
Скульптор Г.В. Нерода

Во времена «Пермской культурной революции» за 4 года (2009–2012) в Перми было установлено более 400 арт-объектов, которые в последние годы стали убирать. Только за это время было установлено 33 памятника, что сопоставимо с количеством памятников, установленных за 58 лет (1928–1986) советского периода.

Как и в истории всего человечества, **первые памятники Перми** – мемориальные (надгробные) – находятся на Егошихинском кладбище (Пермский некрополь). Самый старый памятник – чугунное надгробие на могиле Василия Лапина (1793), пермского городского головы, первого председателя городской думы, купца и храмоздателя; «самый мистический» – «Могила проклятой дочери» (1812). С последним связано

множество мифов и легенд. Надгробие похоже на крышку канализационного люка с условным изображением страшного лица; надпись гласит: *1812 год. Анастасия – проклятая дочь Пермского исправника. У А. Гайдара есть рассказ об этом надгробии, который называется «Проклятая дочь»*. Если верить мифам, девочка была внебрачной дочерью этого исправника и проклятие наложила его законная жена или он сам. И сделали для ее могилы это надгробие, установив его прямо на пешеходной дорожке, чтобы люди вечно топтали ногами тело дочери. Змея, кусающая свой хвост, должна была охранять вечность этого проклятия. Когда ноги людей сотрут изображение надгробия, то проклятье спадет. Но никто и никогда не топтал и не топчет этой могилы [Гладышев 2005: электр. ресурс]. Пермьки называют это надгробие *Чертов колодец*.

Советских (военно-исторических) памятников в Перми больше всего (около 40 % всех объектов).

Одним из первых памятников советского периода в Перми является *Паровой молот (Мотовилихинский молот)*, установленный на месте первой политической сходки революционно настроенных рабочих, которая в 1905 г. была жестоко подавлена (рис. 2).

Рис. 2. 1920. Мотовилихинский молот.
Автор В.В. Гомзиков

В городе насчитывается 6,5 скульптур Ленина (нижняя «половина» Ленина долгое время стояла в районе Красных казарм). Кроме того, Ленин присутствует в многочисленных вербальных и визуальных знаках: ул. *Ленина*, престижный *Ленинский район*, памятники (1930–1971), барельеф *Ордена Ленина*. Несмотря на обилие знаков,

культурная память не спасает Ленина от «как бы не существования» в сознании горожан.

К военным памятникам относятся мемориал *Скорбящей* (рис. 3) на воинском захоронении Егошихинского кладбища, памятники *Героям фронта и тыла* (рис. 4), установленный в честь 40-летия Победы, и «*Разорванное братство*» (рис. 5), посвященный советским воинам, погибшим и пропавшим без вести при исполнении долга в Афганистане, и др. Пермяки равнодушны к военным памятникам. В обычное время люди просто проходят мимо, и только в День Победы вспоминают, что нужно отдать дань уважения погибшим солдатам и офицерам.

Рис. 3. Мемориал «Скорбящая». 1975.
Скульптор Ю. Екубенко

Рис. 4. Памятник Героям фронта и тыла.
1985. Скульптор В.М. Клыкков, архитектор
Р.И. Серджиев, архитектор В.И. Снегирев,
конструктор Б.С. Гурвич

Рис. 5. Памятник «Разорванное братство».
1994. Скульптор А.А. Уральский,
архитектор С.И. Тарасов

Спорными со стороны эстетической ценности и экономической целесообразности для пермяков являются арт-объекты, которые привлекают наибольшее внимание.

Современные памятники и арт-объекты занимают большое место в культурном пространстве Перми. Арт-объекты вызывают оценку у горожан: негативную оценку со стороны одних жителей и положительные отзывы от других. Самыми известными и обсуждаемыми арт-объектами являются *Яблоко*, *Пермские ворота* и *Красные человечки*. Последние сейчас уже исчезли с улиц города.

Яблоко — арт-объект в виде надкушенного яблока (рис. 6). Скептики ссылаются на знаменитое надкушенное яблоко *Apple* и *The Big Apple* как старое название Нью-Йорка. Пермяки называют его *огрызок*, *обкусанное/заржавевшее/покусанное/обгрызенное яблоко* (внешний вид), *яблоко раздора* (полемика о художественной ценности). По мысли автора, яблоко — это современный город, в котором все чаще уничтожается старое. Его кожура выполнена из керамической плитки (современность), а мякоть — из кирпичей старых зданий Перми (история).

Рис. 6. Яблоко. 2010. Художник Ж. Кадырова

Арт-объект *Пермские ворота* (рис. 7) Н. Полисского повторяют его же *Лихоборские ворота* (Москва, метро Владыкино) и напоминают триумфальную арку, сооруженную из огромных бревен; части арки направлены на четыре стороны света. Искусствоведы называют Лихоборские ворота русской репликой парижской *Арк-Сиком* в Дефансе. Название *Пермские ворота* (ср. *Бранденбургские, Золотые, Арбатские ворота* и пр.) пермяки заменили названиями *Поленница, Домик бобра, Бобровая хатка, Памятник плотогонам, Муравейник, Мохнатая П, Табуретка, П-буретка, Лесопилка*. Пермяки не раз пытались поджечь объект.

Рис. 7. Пермские ворота. 2011.
Художник Н. Полисский

Самое большое раздражение пермяков вызывали арт-объекты *Red People* (*Красные человечки*) (рис. 8). Пермяки назвали их *Безголовые, Безголовики* (после чего депутаты Гордумы распорядились удалить их от здания Думы), *Красные че/челы* (внешний вид объектов). Ю. Шевчук на концерте в Перми назвал их *Красными буратиными*, а инициатора их установки Марата Гельмана – *Папа-Карло-Гельман с топором*. Тема дров (поленьев) прослеживается в рэп-клипе команды КВН «Особый стиль» из с. Елова: *Бабушке Любе топить нечем печку. Гельман, везите своих человечков!* При этом пермяки относятся к *Red People* как символу Перми (поднимают на вершину Килиманджаро, тиражируют в сувенирах, вставляют в клипы о Перми, наряжают в новогодние костюмы) и как к символу власти, используя их в политических акциях. Так, некая арт-группа «Медвед» обмотала человечка бинтами и повесила табличку «Большой единокоросс».

Кроме того, с начала перестройки в Перми установлены памятники изобретателю сварки *Славянову, Пушкину* (рис. 9), основателю города *Татищеву* (рис. 10), второкласснику и второгоднику из одноименной повести Л.И. Давыдычева *Ивану Семёнову*, пермскому доктору *Гралю* (рис. 11), памятник «*Пермяк – солёны уши*»

(рис. 12), *Святителю Николаю Чудотворцу* (рис. 15), поэту *Пастернаку* (рис. 16), памятные знаки *Мурчинсону* (рис. 14) и «*Сибирская застава*» (рис. 13) и др.

Рис. 8. Red People. 2010.
Художник А. Люблинский

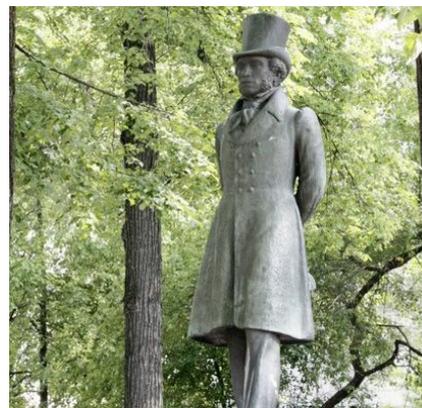

Рис. 9. Памятник А.С. Пушкину. 1993. Скульптор В.М. Клыков, архитектор М.И. Футлик

Рис. 10. Памятник Татищеву. 2003. Скульптор А.А. Коврижкин

Рис. 11. Памятник доктору Гралию. 2005.
Скульптор А. Залазаев, архитектор В. Воженников

Рис. 12. Пермьяк – солёны уши. 2006.
Скульптор Р. Исмагилов, архитектор М.И. Футлик

Рис. 13. Сибирская застава. 2003

Рис. 14. Памятный знак Мурчисону. 2005

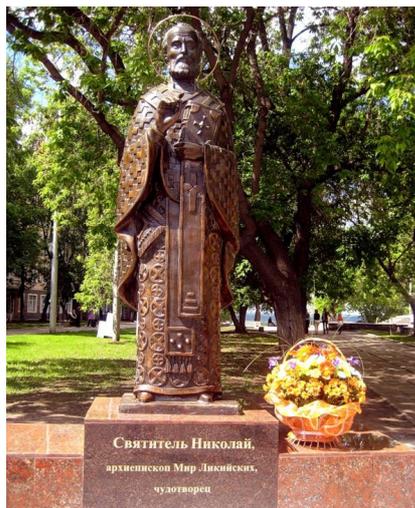

Рис. 15. Памятник Святителю Николаю.
2008. Скульптор В.М. Клыкков

Рис. 16. Памятник Пастернаку.
2009. Скульптор Е. Муц,
архитектор П. Попов-Серебряков

Характерно, что в постсоветское время устанавливаемые памятники имеют преимущественно локальный характер. В современных условиях отмечается тенденция к установке памятников не людям, а явлениям и предметам (Памятник Сердцу, Солдатским сапогам, Пуп земли и пр.).

Наш материал показывает, что негативные названия горожане дают только арт-объектам, памятники, в том числе и современные, негативной оценки у пермяков не вызывают.

Ритуалы и традиции, связанные с памятниками и арт-объектами, включены в систему ментефактов как стереотипы поведения, выполняющие прескриптивную (предписывающую) функцию (прямые или косвенные предписания совершить определенные действия или воздер-

жаться от их совершения). В ритуалах и традициях, связанных с памятниками и арт-объектами, можно выделить официальные и неофициальные (народные).

К **официальным ритуалам** и традициям относятся возложение венков и проведение торжественных мероприятий у военно-исторических памятников в дни государственных праздников (День Победы, День Защитника Отечества, День Пограничника и др.). Такие ритуалы проходят во всех городах России. Эти же памятники являются и объектами неофициальных ритуалов: молодежь возлагает цветы в день свадьбы.

Наибольший интерес вызывают **народные ритуалы**, в действие которых верят многие пермяки. Так, *Памятник юристу* (установлен у здания семнадцатого арбитражного апелляционного суда) помогает студентам и абитуриентам юридического факультета (рис. 17). Для успешной сдачи экзаменов надо дотронуться левой рукой до правой ноги скульптуры. Если потерять правой рукой счастливую пуговицу, можно снискать благосклонность Фемиды. Иногда он помогает исполнить задуманное. Для этого необходимо осторожно притронуться к кисточке на шапке статуи и загадать желание.

Пермский Медведь – символ города (рис. 18) – добродушен и исполняет желания, надо только потерять нос.

Трус, Балбес и Бывалый (герои фильмов Л. Гайдая) – относительно новый памятник (рис. 19), однако же появились поверья о том, что если положить деньги в шляпу Георгию Вицину, то вскоре получите серьезный денежный доход.

С памятником, посвященному 120-летию пермского водопровода (памятник сантехнику) (рис. 20), уже связана традиция: многие девушки Перми приходят к водопроводчику, чтобы поцеловать его, прижаться к носу или прошептать на ухо желание. Они верят, что после этого обязательно встретят трудолюбивого парня с душой романтика. Пермяки ласково называют его *Дядя Вася*.

Рис. 17. Памятник юристу. 2010.
Авторы О. Стенно и С. Овчинников

Рис. 18. Легенда о пермском медведе
(Пермский медведь). 2006. Скульптор В. Павленко

Рис. 19. Памятник героям комедий Л. Гайдая
(Трус, Балбес и Бывалый). 2010.
Скульптор А. Залазаев

Рис. 20. Памятник, посвященный
120-летию пермского водопровода.
2006. Скульптор Р. Исмагилов

Объектом официальных и неофициальных ритуалов является памятник *Пушкину* (рис. 9). Литераторы Перми проводят там свои мероприятия, а студенты филфака педагогического университета считают это место своим: проводят там посвящение в студенты, читают стихи и просто «тусуются у Пушкина».

Наш материал показывает, что официальные ритуалы и традиции связаны с военно-историческими и культовыми памятниками, а народные ритуалы – с военно-историческими и гражданскими памятниками. Арт-объекты обычно связаны с актами вандализма или политическими акциями.

В систему локальных ментефактов стереотипов поведения включен только один памятник – *Легенда о пермском медведе (Пермский медведь)*, остальные стереотипы поведения являются общероссийскими, локально не маркированными.

Отношение пермяков к памятникам и арт-объектам зависит от характера памятника. Советские памятники революционным деятелям обычно неизвестны пермякам, гражданские и военно-исторические памятники являются предметом заботы, по отношению к арт-объектам наблюдается тенденция к осознанному уничтожению.

Подавляющее большинство исторических памятников (82 %) и арт-объектов (85 %) не связаны с историей и культурой Пермского края (рис. 21).

Рис. 21. Связь памятников с культурным геопространством Перми

Анализ показывает, что в целом большинство (82,4 %) пермских памятников и арт-объектов не имеют отношения к Прикамью, а связаны с российскими реалиями. Только 17,6 % пермских памятников являются культурными кодами геопространства Перми. Возможно, именно этим объясняется равнодушие пермяков к памятникам, т. к. самое большое влияние на осознание культурной идентичности оказывают памятники, связанные с местом проживания человека. На это же указывают и данные нашего эксперимента 1, в стимульный материал которого включены пермские памятники и арт-объекты.

3.2. Символы Перми

Дадим краткую характеристику символам, связанным с историей, мифами и легендами территории.

Пермские боги – деревянные объемные изображения Христа с обликом, напоминающим местные народы (Пермская деревянная скульптура). Легенды говорят, что пермские боги ходят, оттого обувь и ноги у них снашиваются. Пермяки и хранители галереи знают, что боги не любят уезжать из города. Когда их готовят к отъезду на выставку, то погода в городе портится и дела не ладятся.

Широко распространены в Прикамье *легенды о чуди*, которые квалифицируют чудь как народ, убегающий от христианизации, мора, несчастья, русской колонизации и пр.: «Это был славный народ. Но вот услышали чуды, что на них надвигается страшное несчастье. Тогда храбрые и гордые чуды решили умереть своей смертью. Они вырыли большие и глубокие ямы, сделали подземные срубы. Чуды семьями зашли туда. Затем чудские мужчины столбы свалили и плахи с земляной насыпью задавили чудов. Так этот маленький народ живьем ушел в землю» [Кривошекова-Гантман 1974: 134]. Считается, что чуды были великими рудознатцами и металлургами. Д.Н. Мамин-Сибиряк вспоминает, что «руды искали именно по этим чудским местам».

В середине XIX в. англичанин Родерик Мурчисон открыл в Прикамье эталонные проявления нового геологического периода палеозоя, который назвал Permian – *Пермский период*, мотивировав название связью территории с «древним царством Биармией или Пермией» [Абашев 2007: электр. ресурс].

С чудью связывается и *Пермский звериный стиль* – самое таинственное во всем чудском наследстве – это причудливые бронзовые бляшки и другие украшения ананьинской культуры, вошедшей в себя как местные художественные традиции бронзового века, так и неотразимые достижения кочевнических сибирской и скифской культур [Баньковский 2003: электр. ресурс].

В романе В. Набокова «Bend Sinister» есть упоминание о Перми – «through the ghoul-haunted Province of Perm». «Кишащая упырями провинция Пермь», – так перевел нужное нам место С. Ильин в русском издании романа [Абашев 2007: электр. ресурс]. «Упырей» в Перми, согласно легендам, и по сей день «кишмя кишит». Призраки живут в Пермской художественной галерее и в доме Мешкова на набережной (незаконнорожденные младенцы, которых матери ставляли на пороге у этого дома, до сих пор плачут по ночам). На Речном вокзале, где находится

Музей современного искусства PERMM, обитает призрак Гельмана, который под покровом ночи бродит по городу и устанавливает уродливые арт-объекты. В аномальной зоне «Молёбский треугольник» (место приземления инопланетян) люди часто слышат голоса, видят «хрономиражи», теряют время и сталкиваются со снежным человеком.

Легенды и предания о чуди и призраках входят в систему ментефактов локального характера: представления о местных духах.

Однако в литературе Пермь запечатлена не только как город упырей, а как *Юрятин* – вымышленный город, в котором происходит часть событий романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». На Егошихинском кладбище есть памятник сестрам Циммерман, которые, по пермским легендам, являются прообразами сестер из чеховской пьесы «Три сестры».

Помимо образа Перми, связанного с безысходностью вечной провинции, существует также представление о Пермском крае, ассоциируемое с тенью ГУЛАГа. Одна из реальных исторических черт Перми – нескончаемый поток арестантов, следующих через нее по Сибирскому тракту. И в этом смысле для тысяч людей эта земля оказывалась преддверием каторжного ада. Пермский край – это давняя «республика зеков» [Абашев 2007: электр. ресурс]. В 1946 г. недалеко от Перми была создана зона для уголовников Пермь-36, которая при Хрущеве реорганизована в зону для бывших сотрудников МВД, а в 1972 г. стала зоной для диссидентов. Сегодня это единственный в России Музей истории политических репрессий. Музей «Пермь-36» – один из самых известных для иностранцев брендов Пермского края.

Ментефакты, связанные с ГУЛАГом и каторгой, входят в систему общероссийских представлений как прецедентные ситуации и имена. Ментефакт *Юрятин* – прецедентное имя локального свойства.

Описанные культурные коды Перми (памятники, арт-объекты, символы) были включены в стимульный материал экспериментов.

4. Результаты исследования

4.1. Эксперимент 1

Для интерпретации полученных данных установим условную степень узнаваемости памятника по следующей шкале: низкая степень узнаваемости – до 40 %; средняя степень – 40–70 %; высокая степень узнаваемости – выше 70 %. Например, высокая степень узнаваемости у памятников, связанных с пермской мифологией, *Пермяк*, *солёны уши* (100 %), *Пермский медведь*

(81,5 %); низкая степень узнаваемости у памятников, связанных с историей Прикамья: *Памятный знак Мурчисону* (2 %), *Сибирская застава* (12,8 %).

Эксперимент показал, что узнавание памятников и арт-объектов не означает осознание и знание культурно-исторической информации, которую они несут. Большинство реакций чаще всего имеют обыденно-практический характер: респонденты называют памятник по внешней форме или приписывают ему ложные исторические коннотации, например: *Пермяк – солёны уши – фотограф и уши*; *Легенда о пермском медведе – медведь, медведь из Перми, уральский мишка, бурый медведь*. *Сибирская застава – обелиск, обозначающий границу города в XIX в. (настоящие обелиски были сооружены в 1824 г. в честь приезда Александр I) – обозначалась респондентами как двуглавый орёл, памятник посланному в Сибирь, Пермский обелиск, орёл на камне, памятник, посвящённый Второй Мировой, остаток от ворот, вышка при орле, мемориал. Памятный знак Мурчисону с надписью «Родерику Импи Мэрчисону (R.I. Murchison), шотландскому геологу, исследователю Пермского края, назвавшему последний период палеозойской эры ПЕРМСКИМ (perm)» респонденты называли: камень, булыжник у 9-й школы, гранит науки, враждебная земля, камень А.С. Пушкина, очень важный камень, камень фундамента школы № 9, камешек, осколок пермской горы, малахит.*

В реакциях респондентов преобладают локально культурнонезависимые знания (*уральский мишка, камень А.С. Пушкина, Второй Мировой, двуглавый орёл*), т. е. те, которые напрямую не связаны с территорией. Среди прецедентных феноменов выделяются единичные прецедентные ситуации (*Вторая Мировая война, путь на каторгу в Сибирь*) и прецедентные имена (*Пушкин, Сибирь*), которые лишь косвенно связаны с территорией.

В целом плохо опознаются памятники, связанные с историей Прикамья и советской историей (см. рис. 22).

Памятник *Святителю Николаю* узнали лишь 27,7 % опрошенных. Респонденты не запомнили этот памятник даже в связи с историей с «бешеным автобусом» (хотя согласно местным поверьям, именно Николай Чудотворец остановил автобус и спас людей: автобус якобы «уперся» в памятник), но опознали его религиозный характер: *Никон, дяденька в мантши, памятник Сергею Радонежскому, Василий Блаженный, патриарх 1й, Иисус, Святой Пётр, святоша, апостол, святой чувак.*

Рис. 22. Частота (%) узнавания памятников, связанных с историей и культурой Перми и России

Памятник *Героям фронта и тыла* узнали только 6,4 % опрошенных. Все жители Перми его видели, все знают, где он находится, однако большинство не знает, чему он посвящён. Для некоторых он ассоциируется с памятником Родине-матери, который находится в Волгограде: *Родина мать, три богатыря, воинственные дяденьки, слава трудящимся, памятник голосующему таксисту, Минин и Пожарский, чуваки идут драться*.

Памятник *Разорванное братство*, посвященный воинам-афганцам, узнали все респонденты. Это связано с тем, что он расположен непосредственно у школы, где учатся опрашиваемые.

Мемориал *Скорбящая* узнали лишь 48,9 %. Культурно-историческая информация также опознавалась слабо: *Мать, плачущая мать, слёзы матери, мать солдата, Иисус на кладбище, печальная дива*.

Мотовилихинский молот не узнал никто, но респонденты часто связывали его с революционными событиями: *памятник революции, восстание машин, человек-флаг, ракета, памятник войне с Турцией, революционная штука, вышка, инопланетянин с флагом, серп и молот, олимпийский огонь*. Очевидно, памятник получил такие названия по своему внешнему виду.

Каким конкретно событиям и фактам посвящен памятник *Уральскому добровольческому корпусу* знали лишь 4,3 % респондентов. Большинство называли его просто *Танк* и связывали со Второй Мировой войной: *Танк, вечный огонь, вечная слава, Сталинградская битва, Т-34*.

В реакциях респондентов, полученных на стимулы, представляющие памятники, связанные с историей и культурой Перми и России, преобладают локально культурнонезависимые знания. Однако в ответах на такие стимулы довольно часто происходит опора на прецедентные феномены: прецедентные ситуации (*Сталинградская битва, революция, олимпиада*),

прецедентные имена (*Иисус, Минин и Пожарский, Сергей Радонежский, Никон, Василий Блаженный*), прецедентные тексты (сказки и живопись: *три богатыря*) и прецедентные высказывания (*вечный огонь, вечная слава, восстание машин, слава трудящимся, серп и молот*). Все прецедентные феномены лишь косвенно связаны с территорией.

Среди исторических деятелей советской России и Прикамья (рис. 23, 24) высокая степень узнаваемости оказалась только у памятника *Ленину* около оперного театра (91,5 %). Отрицательные коннотации в названии памятника отсутствуют: *Памятник человеку, Ленин в театре, мистер Ленин*.

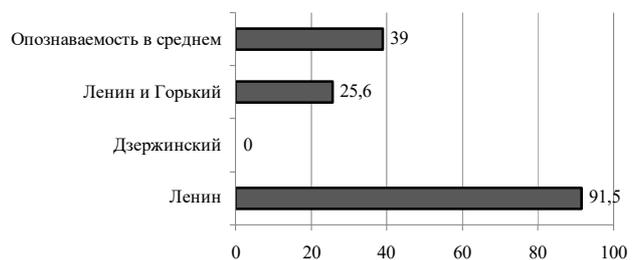

Рис. 23. Частота (%) узнавания памятников историческим деятелям советской России

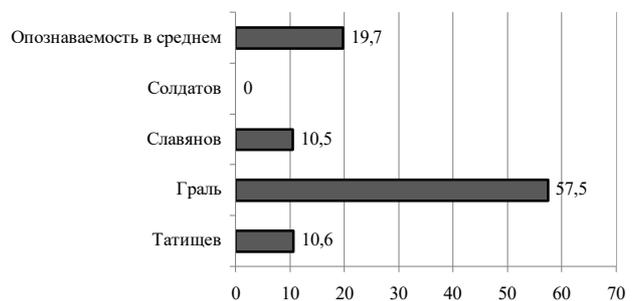

Рис. 24. Частота (%) узнавания памятников историческим деятелям Прикамья

Ученики узнают памятники, даже знают, где они стоят, но событие или лицо, которым памятник посвящен, остается для старшеклассников неизвестным. Так, никто не узнал Дзержинского, его бюст называли *Бюст Ленина, памятная голова Дягилева, муравей, Татищев, голова великого человека, бюст писателя/дяденьки*. Скульптурная композиция *Ленин и Горький* была опознана 25,6 % респондентов; остальные опрашиваемые квалифицировали их следующим образом: *Деятели наук, Минин и Пожарский, серебряные мужики, Silver Surfers, стальные люди, Ленин с кем-то, Ленин и его друг, Ленин и Сталин, влюблённая пара, памятник двум мужикам*.

Плохо известны исторические деятели Прикамья (средняя степень узнаваемости наблюдает-

ся только для *Памятника Гралю* – 57,5 %). Легендарного пермского врача Граля опрашиваемые называли также *Даль, Пушкин, Ломоносов* (очевидно, ориентируясь на парик). Мало кто узнал Татищева (10,6 %) – основателя Перми; его называли *Пётр I, полководец, Д’Артаньян, мушкетёр, Джек-воробей* (по виду головного убора). Изобретателя сварки Славянова узнали лишь 10,5 % респондентов, которые называли его *Лермонтов, Пушкин, «Не Пушкин», мужик в кустах, Витас, Базаров, маленький человек* (по месту расположения и одежде). Ни один из респондентов не узнал знаменитого директора завода «Пермские моторы» Солдатова, которого называли *Голова, Гагарин, четвертованный мужчина, Пушкин, военный памятник, Кутузов, Николай I*.

В реакциях респондентов, полученных на стимулы, представляющие исторических деятелей, преобладают локально культурнонезависимые знания, хотя встречаются единичные локально культурнозависимые реакции (*Дягилев, Татищев*). Также часто встречаются прецедентные феномены: прецедентные ситуации (*мужик в кустах, четвертованный мужчина*), прецедентные имена (*Минин и Пожарский, Ленин, Сталин, Пушкин, Лермонтов, Петр I, Пушкин, Кутузов, Николай I, Лермонтов, Гагарин, Витас, Базаров, Д’Артаньян, Джек-воробей*), прецедентные тексты (*Базаров, Д’Артаньян, Джек-воробей*). Все прецедентные феномены не связаны с территорией.

Среди памятников, посвященных деятелям литературы и персонажам книг, высокая степень опознавания у памятника *Пушкину* (87,2 %). Памятник *Пастернаку* (рис. 25) узнали лишь 2 % респондентов, остальные называли его *Пушкин; непонятная штука; памятник в цветах; мужик, смотрящий влево; казак*. Памятник *Мамину-Сибиряку* не узнал никто; он получил названия: *Чехов, дядя, усач, суровый с бородой, большеголовик, доктор, Чайковский, Павлов*.

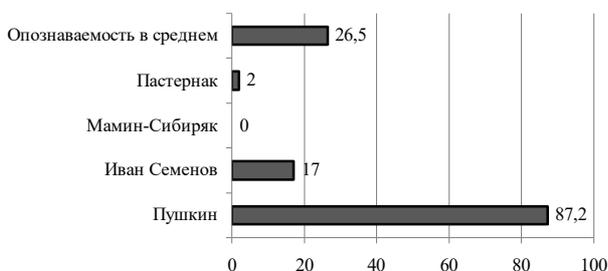

Рис. 25. Частота (%) узнавания памятников деятелям литературы и персонажам книг

Не знают (83 %) молодые люди и героя детской литературы – второклассника и второгодника *Ивана Семёнова* (из повести Л.И. Давы-

дычева); его называли *Семён Семёнов, школота, спиночёс, ученик, пионер, пьяный пермский мальчик, Вовочка*.

В реакциях респондентов на стимулы, представляющие памятники деятелям литературы и литературным персонажам, обнаруживаются только локально культурнонезависимые знания. Встречаются прецедентные имена (*Чайковский, Павлов, Вовочка*), которые не связаны с территорией.

Лучше всего опознаются современные арт-объекты (рис. 26), степень узнавания в среднем – 80,9 %.

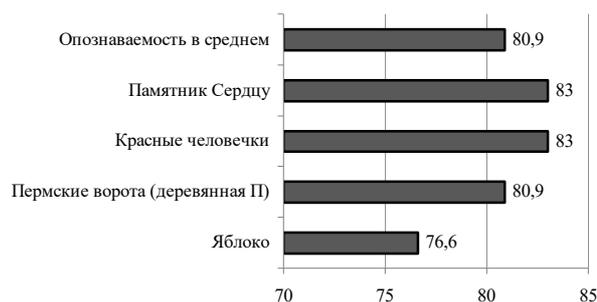

Рис. 26. Частота (%) узнавания современных арт-объектов

Арт-объект *Яблоко* узнали 76,6 % респондентов; они называли данный объект *Apple, надкусанное яблоко, яблоко познания, яблоко раздора, пермский эпл. Пермские ворота (Деревянную П)* узнали 80,9 %, повторяя в названии те номинация, которые функционировали в спорах о его эстетической ценности: *Пермская табуретка, ворота города, деревянная Пермь, дрова, территория бобра, триумфальная арка Перми, табуретка, домик бобра*. Арт-объект *Красные человечки* узнали 83 % респондентов, называя его *красный безголовый монстр, пермский человек, человек на стуле, пластмассовая безголовая власть, символ власти, красный чел, безголовый ученик*. Памятник *Сердцу* узнали 83 %; названия – *каменное/гранитное сердце, сердце жизни, «Сердцу не прикажешь»*.

В реакциях респондентов в данном случае также преобладают локально культурнонезависимые знания. Редко встречаются прецедентные феномены: прецедентные ситуации (*яблоко раздора, сердцу не прикажешь*), прецедентные имена (*Apple*) и прецедентные высказывания (*яблоко раздора, яблоко познания*). Все прецедентные феномены не связаны с территорией.

В целом опознаваемость памятников, не связанных с историей и культурой Прикамья (72,2 %) более чем 2,5 раза превышает опознаваемость локально маркированных памятников (27,8 %). Данные эксперимента 1 указывают на

низкую степень информационной освоенности геопространства культуры Пермского края его молодыми жителями.

Рассмотрим информационную освоенность геопространства культуры Пермского края на уровне ментефактов (знаний и представлений), эксплицированных в реакциях респондентов.

Соотношение характера визуальных кодов (памятников) и количества реакций, ориентированных на локальное культурное пространство, пропорционально (см. рис. 27).

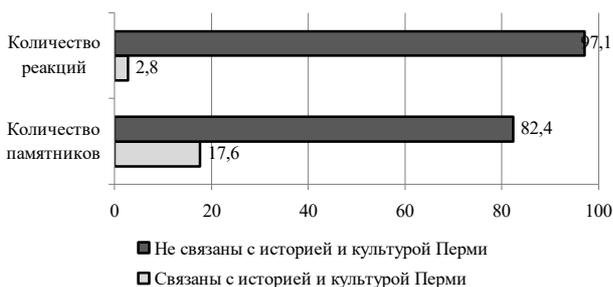

Рис. 27. Соотношение визуальных кодов и вербальных реакций

Характер знаний, выявленный из анализа реакций, указывает на низкую степень освоенности локального культурного пространства. Локально культурнонезависимые знания, такие как: *Сталинградская битва, Вторая Мировая, Война с Турцией, Иисус, Минин и Пожарский, Пётр I, Никон, Николай Пётр I, Кутузов, Линкольн, Сергей Радонежский* и пр. — составляют 97,1 % реакций. Данные реакции указывают на то, что респонденты достаточно свободно оперируют знанием, которое относится в культуре и истории России в целом. Локально культурномаркированные знания, которые отражают культурное пространство территории: *Дягилев, Татищев*, — составляют лишь 2,8 % реакций.

Таким образом, анализ полученного в эксперименте 1 материала показал относительную информационную освоенность школьниками культурного геопространства России в целом, но не локальной территории Пермского края.

4.2. Эксперимент 2

Рассмотрим данные, полученные в эксперименте 2. На рисунке 28 показаны частоты ответов на вопрос «С чем у вас ассоциируется Пермский край?» в зависимости от группы респондентов.

У жителей Пермского края наиболее частотными ответами являются следующие: *памятник «Пермяк соленые уши»* (14 %), *Медведь* (12 %), *Кама* (12 %), т. е. 40 % пермяков ассоциируют Пермь с природой и локальным символом.

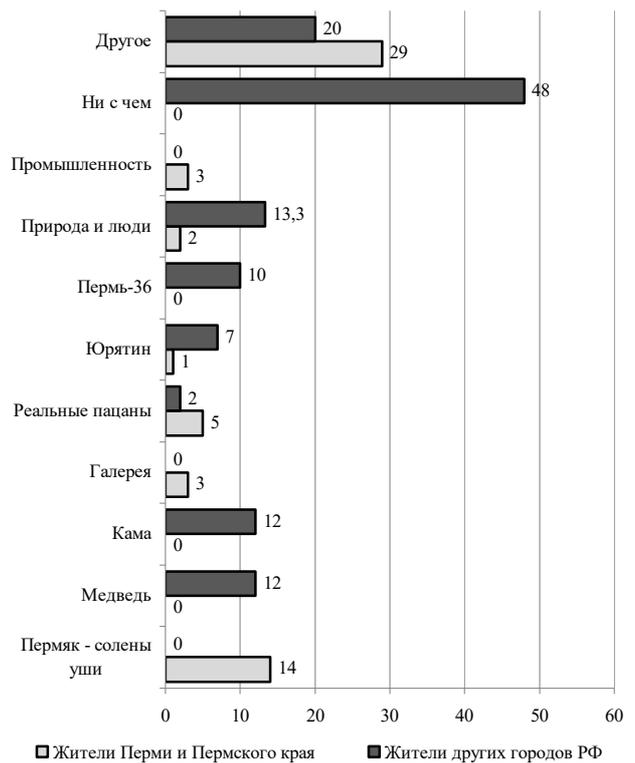

Рис. 28. Частота (%) ответов на вопрос «С чем у вас ассоциируется Пермский край?»

У респондентов из других городов РФ наиболее частотные ответы – *Природа и люди* (13,3 %), *Пермь-36* (10 %), *Юртин* (7 %), т. е. 30,3 % респондентов связывают Прикамье с природой, политическими и культурными символами. Для 48 % респондентов Прикамье являют собою Terra Incognita.

Сравнительные данные ответов на предложение выбрать те понятия, которые ассоциируются с Пермским краем, представлены на рисунке 29.

У респондентов-жителей Пермского края он ассоциируется с *Пермским звериным стилем* (64 %), *деревянными богами* (50 %), *Пермью-36* (46 %), *Пермским геологическим периодом* (38 %), *Юртинным* (16 %), – с *преданиями о Чудди* (11 %). Ни у кого из респондентов не возникло ассоциации с *Биармией*; 16 % опрошенных отметили, что ни один из пунктов не вызывает у них ассоциации с Пермским краем. Таким образом, у жителей Пермского края образ территории в большей степени связан с Пермским звериным стилем, Пермскими богами, Пермью-36 и с Пермским геологическим периодом.

У респондентов из других городов РФ Пермский край ассоциируется прежде всего с *Пермью-36* (46 %), и уже потом с *Юртинным* (16 %), *Пермскими богами* (14 %) и *геологическим периодом* (14 %), *Пермским звериным стилем* (6 %) и *преданиями о Чудди* (6 %). Ни у кого не

возникло ассоциаций с древней *Биармией*. При этом 47 % опрошенных заявили, что ни один из пунктов не вызывает у них ассоциаций с Пермским краем (Пермский край как Terra Incognita).

Жителям Пермского края дополнительно был предложен вопрос *Как Вы относитесь к тому, что Пермский край связывают с этими понятиями?* (см. рис. 30).

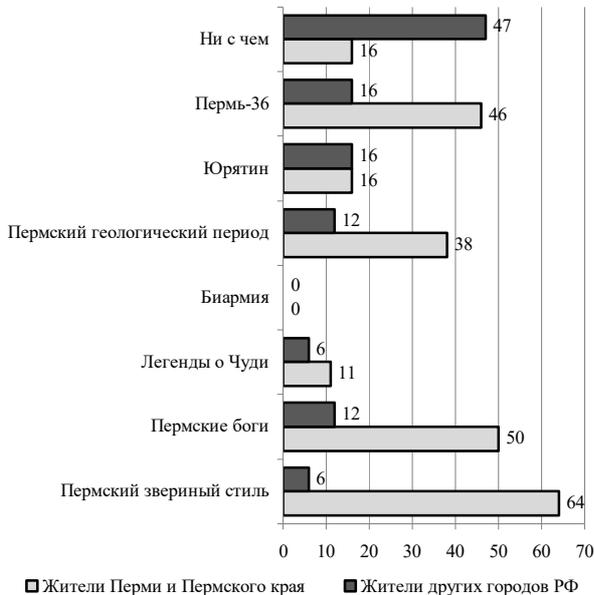

Рис. 29. Частота (%) выбора понятий, которые ассоциируются с Пермским краем

Рис. 30. Частота положительного, нейтрального и отрицательного отношения к связи Пермского края с культурными символами

Лучше всего жители Прикамья относятся к образу своей территории, основанному на *Пермском зверином стиле* (64 %), *Пермских богах* (52 %) и *Пермском геологическом периоде* (50 %). *Пермь-36* и *Предания о Чуди* получают около 20 % голосов; *Юрятин* – около 30 %. Наибольший процент негативного отношения (32 %) связан с позиционированием Перми через *Пермь-36* (образ «республики зеков»), остальные образы получают незначительный процент (2–6 %) негативной оценки.

Наиболее частотные образы Прикамья (*Пермь-36* и *Юрятин*), с которыми жители других городов ассоциируют Пермский край, вызывают у пермяков либо резко отрицательную реакцию (32 % относятся негативно к ассоциации с Пермью-36), либо равнодушие (64 % относятся нейтрально к ассоциации с провинциальным городом Юрятин).

Эксперимент показал, что местные жители ощущают себя наследниками великой мифологии, истории, культуры и ассоциируют Прикамье с древними символами, тогда как для большинства жителей других городов РФ Пермский край продолжает ассоциироваться с образами типичной провинции и каторжного края.

5. Выводы

Проведенное исследование показывает, что степень информационной освоенности геопространства культуры Пермского края его молодыми жителями весьма низка. Анализ полученного материала свидетельствует лишь об относительной информационной освоенности культурного геопространства России в целом, но не локальной территории Пермского края.

Образ территории Пермского края различается у жителей Прикамья (территория древней культуры, каторжный край) и жителей других территорий (территория величественной природы, глухая провинция, «республика зеков», Terra Incognita), однако и у тех и у других этот образ носит размытый характер и не имеет четко выраженных локальных ментефактов.

Примечания

¹ Автор благодарит М. Коробова за помощь в проведении онлайн-опроса.

² Изображения памятников и арт-объектов Перми заимствованы из общедоступных ресурсов интернета, не содержащих указаний на авторов этих материалов и каких-либо ограничений для их заимствования. Эти изображения выступали стимульным материалом в эксперименте 1.

Список литературы

- Абашев В.В.* Пермь как место русской памяти. 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.domprasternaka.ru/library/detail.php?id=432> (дата обращения: 29.07.15).
- Баньковский Л.* О земле, пахнувшей смолой... 2003. [Электронный ресурс]. URL: http://liter.perm.ru/ess_bank02.htm (дата обращения: 29.07.15).
- Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 224 с.
- Веденин Ю.А.* Информационные основы изучения и формирования культурного ландшафта как объекта наследия // Известия АН. Серия географическая. 2003. № 3. С. 7–13.
- Герасименко Т.И.* Роль этнокультурной основы в формировании трансграничных регионов // Россия и Запад: диалог культур. 2013. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/268--q-q.pdf> (дата обращения: 29.07.15).
- Гладкий Ю.Н.* Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 664 с.
- Гладышев В.Ф.* Пермский некрополь: Знаки памяти в мемориальной пластике. Пермь, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://oldperm.clan.su/load/1-1-0-26> (дата обращения: 29.07.15).
- Голубчиков Ю.Н.* Основы гуманитарной географии. М.: Инфра-М, 2015. 364 с.
- Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
- Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- Калуцков В.Н.* Геоконцепты в региональных исследованиях // Россия и Запад: диалог культур. 2012. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/168--l-g.html> (дата обращения: 29.07.15).
- Ковалёв Е.М.* Гуманитарная география России. М.: Варяг, 1995. 448 с.
- Кравченко А.И.* Культурология. М.: Академический Проект: Трикста, 2002. 496 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://bookcheba.com/page/bookuch/book/book-11.html> (дата обращения: 29.07.15).
- Красных В.В.* Грамматика лингвокультуры: система координат, система таксонов, система ментефактов // Русский язык и культура в формировании единого социокультурного пространства России. СПб., 2008. С. 333–344.
- Кривошекова-Гантман А.С.* К проблеме пермской чуди // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974. Вып. 1. С. 132–142.
- Митин И.И.* Мифогеография и территориальные культурные системы // Доклад на семинаре «Культурный ландшафт» на комиссии по культурной географии Московского городского отделения Русского географического общества 142-е заседание 08 февраля 2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://msk.rgo.ru/komissii-i-otdeleniya/komissiya-po-kulturnoj-geografii/doklady/mifogeografiya-i-territorialnye-kulturnye-sistemy-i-i-mitin/> (дата обращения: 29.07.15).
- Соколова А.А.* Информосфера и информационная география // География на рубеже тысячелетий: Труды XII Съезда Русского географического общества. СПб., 2005. Т. 1. С. 148–153.
- Соколова А.А.* Геопространство в традиционной и современной культуре (российский контекст): автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 2013. 49 с.
- Стрелецкий В.Н.* Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Изв. РАН. Серия географическая. 2008. № 5. С. 21–33.
- Survio. [Электронный ресурс]. URL: <https://my.survio.com> (дата обращения: 29.07.15).

PERCEPTION OF GEOSPACE CULTURAL CODES (in Perm Krai)

Svetlana S. Shlyakhova

**Head of Foreign Languages and Public Relations Department
Perm National Research Polytechnic University**

The paper presents results of the experimental study of a territory cultural geospace. The study was conducted from the “space in culture” position. On the Perm Krai example the system of a person’s everyday city environment geospace and a set of the territory images were studied. A low degree of the information awareness of the Perm Krai culture geospace was revealed. It is proved that the Perm Krai territory images differ among the Prikamye residents (a territory of ancient culture, place of prisons) and residents of other territories (territory of majestic nature, a distant province, “the republic of prisoners”, Terra Incognita). The Perm Krai image is characterized by a fuzzy character and does not have distinct local characteristics.

Key words: sociolinguistics; psycholinguistics; semiotics; cultural geospace; mentality; precedent phenomena; monuments; symbol; the image of the territory; Perm Krai.